

В этом смысле когнитивный агент не отражает, а конструирует реальность, творит свой мир. Система «вырезает» слой мира, соответствующий её поисковой активности и когнитивным возможностям. Другого мира, кроме как сконструированного в процессе жизни-познания, для организма не существует. Авторы резюмируют это следующим образом: «Мы не видим, чего именно мы не видим, а то, что мы не видим, не существует»¹³.

На основании этих подходов можно сделать вывод, что по мере эволюционного развития увеличивается диапазон восприятия организмов, которые создают все более сложные миры. В рамках постнеклассической парадигмы вопрос об объективном познании мира, максимально рафинированном от субъекта, снимается. Мир теперь познается через субъекта, через человека с учетом социокультурных и психологических факторов. Поэтому познание (субъект познания) и бытие становятся слитыми воедино, в этом смысле познание укореняет, создает бытие. Мир инфузории туфельки уже и беднее мира собаки, более развитой в эволюционном отношении. Вместе с тем мир собаки включает в себя и мир инфузории, так как форма жизнедеятельности и физиологические особенности усложняются. По

мере усложнения формы когнитивной организации бытие становится все более многообразным, оно вырастает вместе с эволюционирующим организмом, поэтому человек создает сверхсложное социокультурное бытие.

Примечания

- ¹ Поннер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 75.
- ² Там же. С. 69.
- ³ Там же. С. 76.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 263.
- ⁶ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 9.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ Там же. С. 6.
- ¹⁰ Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки : от познания к действию. М., 2005. С. 26.
- ¹¹ См.: Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998. С. 131.
- ¹² См.: Варела Ф., Матурана У. Дерево познания. Биологические корни человеческого познания. М., 2001. С. 208–217.
- ¹³ Там же. С. 213.

УДК 165

ИСТИНА И ТАЙНА: ЧЕТЫРЕ АСПЕКТА ГРЕЧЕСКОЙ АЛЕТЕЙИ

Ю. А. Разинов

Самарский государственный университет
E-mail: razinov.u.a@gmail.com

Статья посвящена анализу греческого понятия истины, которая осмысливается как феномен, принадлежащий к сфере сокрытого, таинственного. Сущностная связь истинного и сокрытого (ложного) выявляется путем анализа четырех аспектов значения ἀλήθεια, на этом основании дается интерпретация изречения Гераклита «тайная гармония лучше явной».

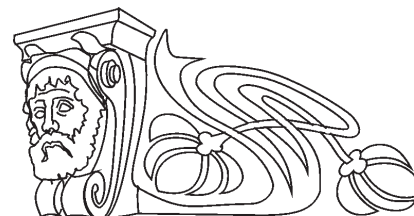
Ключевые слова: истина, ложь, тайна, сокрытие, гармония, явленность, очевидность.

True and Secrecy: the Four Aspects of Greek Aletheia

Yu. A. Razinov

This article analyzes the Greek concept of truth. The truth is conceptualized as a phenomenon belonging to the sphere of hidden and secrecy. The essential relationship of the true and hidden (false) can be determined by analysis of four aspects of the value ἀλήθεια. On this basis, the interpretation of the sayings of Heraclitus «secret harmony better than explicit» is interpreted.

Key words: truth, lies, secrecy, concealment, harmony, phenomenological clarity, evidence.

Знаменитое изречение Гераклита «тайная гармония лучше явной», формально не являясь определением истины, способно сказать о том, что греки понимали под ἀλήθεια нечто гораздо большее, чем кажется на первый взгляд. Это изречение отсвечивает странным парадоксом истины, которая, с одной стороны, понимается греками как не-сокрытость, не-потаянность, но, с другой стороны, постоянно примысливается к сфере потаенного, как то, что страдает от разутаивания и разоблачения. Более того, она мыслится как то, что страдает от разутаивания и разоблачения. Данный парадокс запечатлен в самой морфологии греческого слова ἀλήθεια, которое, в отличие от онтологически коннотированного русского слова «истина», содержит в себе прямое отрицание. Привативная ἄ говорит о том, что истина есть отрицание того, что сокрыто – λήθη. Но что означает это отрицание?

Не-сокрытость означает такое раскрытие сущего, которое всякий раз осуществляется из сферы сокрытого, а следовательно, наследует потаенность как свою основную черту. Но как обходиться с таким парадоксом? Может ли истина быть сокровенной, если само ее имя – «не-сокрытость»? Может ли она быть таинственной, если существом ее является непотаенность? Как «сокрытое» может оставаться сокрытым, если его сокровенность так или иначе явлена нам?

В целях прояснения этих вопросов попробуем вслушаться в значение греческого слова *ἀλήθεια*, смысл которого для нас разжевал «коренной зуб немецкой философии», как выразился о М. Хайдеггере поэт А. Вознесенский.

Во-первых, рассмотрим четыре аспекта значения *ἀλήθεια*. Перевод греческого слова *ἀλήθεια* словом «истина», будучи верным по сути, в то же время скрывает целый ряд содержащихся в нем важных референций, о которых речь пойдет ниже. Кроме того, такой перевод нагружает его смыслом, вытекающим из позднейших истолкований. По этой причине Хайдеггер считал необходимым использовать буквальный перевод термина *ἀλήθεια* – «несокрытость»¹. Главное же, что скрывает перевод словом «истина», – это сущностная принадлежность несокрытого к сфере *сокрытого* (*ложного*). Поскольку же ложное обычно понимается как противоположность истинному, то все «неистинное» оказывается вынесенным за границы *алетейи*. Однако без этой отнесенности к сфере ложного истина лишается своей почвы, а вместе с ней и энергии раскрытия, противостоящей силе сокрытия (забвения, Леты). Но это значит, что энергия борьбы и отрицания связывает *ἀλήθεια* с ее противоположностью – *λήθη* – прочными узами. Наличие этой сущностной связи в самой грамматической основе и этимологии слова «алетейя» имеет решающее значение для истолкования греческого понятия истины. Рассмотрим это подробнее.

Английский словарь древнегреческого языка Нового Завета указывает на связь *ἀλήθεια* с глаголом *λανθάνω* (скрывать), хотя с точки зрения словообразования проще было бы производить его от глагола *λήθω* (избегать, ускользать), поскольку у глагола *λανθάνω* в корне есть фонема *v*. Но, с другой стороны, она присутствует только в настоящем времени, а в других формах пропадает. В то же время этимологический словарь Г. Фриска дает указание на то, что глагол *λανθάνω* сам произведен от глагола *λήθω* и все слова в этом словообразовательном гнезде, и *ἀλήθεια* в том числе, происходят от слова *λήθω* со значением «избегать», «ускользать»². Таким образом, в этимологическом плане истина есть то, что себя не скрывает, что не избегает явления и в этом смысле является *неизбежным*.

Любопытно, что такому истолкованию греческого слова противоречит платоновская этимология, данная в диалоге «Кратил». Из нее

следует, что слово *ἀλήθεια* следует читать не как существительное с отрицательной приставкой *ἀ-* (*ἀ-λήθεια*), а как составное *ἀλη-θεία*, образованное путем сложения слов *θεία* (богиня) и *ἄλη* (блуждание, скитание, помешательство). Платон понимает истину как *божественное наитие*, *вмешательство* или даже *помешательство*, иначе говоря, как *богоодержимость*. Устами Сократа, разбирающего значение греческих слов, Платон говорит дословно следующее: «А что касается истины (*ἀλήθεια*), похоже, что и это имя составлено из других слов. Очевидно, им назван божественный порыв сущего (*θεία του οντος φώρα*) – так, как если бы это было божественным наитием (*θεία ἄλη*)»³.

Но с таким же успехом Платон мог бы произвести значение истины от близкого по звучанию и написанию слова *ἀλητεία* (скитание), объяснив это метаморфозой фонемы *θ* в *τ*, что придало бы значению специфический оттенок «блуждающего поиска». Платон вообще довольно часто в целях произвольного истолкования терминов пользовался заменой и перестановкой звуков и слогов. По этой причине специалисты вполне заслуженно характеризуют «лингвистику» Платона как «смехотворную и совершенно фантастическую, состоящую из умопомрачительных этимологий»⁴. Но, несмотря на то что платоновская этимология истины сама далека от истины, она все же заслуживает внимания.

Дело в том, что, связывая слова *ἀλήθεια* и *θεά* (*θεός*), Платон, как и Парменид, имеет в виду *божественный* статус истины. Всякое откровение прежде всего есть божественная одержимость и лишь затем продукт человеческого усилия. Более того, это идущее от самого человека усилие из-за ограниченной, земной природы человека, как правило, и становится причиной заблуждения. Платон определяет последнее как «отклонение мысли, когда душа стремится к истине, но проносится мимо понимания»⁵. Философом, одержимым божественной истиной, для Платона был Сократ с его персональным божком. Безусловное доверие даймону, как и всему тому, что сообщают боги как непосредственно, так и посредством оракулов, является общим знаменателем античного понятия истины. Но если все же следовать не за Платоном, а за Хайдеггером, то важнее говорить не об этом *теологическом* плане истины, а о тех ее смысловых аспектах, которые вытекают из чисто формального значения термина «алетейя».

В лекционном курсе о Пармениде, специально посвященном разбору этого термина, Хайдеггер выделяет четыре плана значения, которые, на наш взгляд, можно интерпретировать как отсылку к различным структурам опыта. Иными словами, в термине «алетейя» содержится многосложный опыт отношения к сущему.

Первый план значения обусловлен тем, что слово *ἀλήθεια* отсылает к противоположному – «сокрытость» (*λήθη*)⁶, – через которое оно опре-

деляется, но которое само (как объект внимания) остается в этом слове сокрытым и неопределенным. В этом аспекте истина раскрывается как то, что вступает в прямое отношение к *ложному*, которое необходимо «отважиться помыслить», прежде чем пытаться односторонне понять природу истинного. «У греков, – пишет Хайдеггер, – сущность ложности как бы налагает отпечаток на сущность истины»⁷. При этом самую ложность необходимо мыслить опять-таки в специфически греческом смысле – *сокрытости*, которая существует в различных формах. Главное, что стремится подчеркнуть Хайдеггер, состоит в том, что процесс истины осуществляется не *вне*, а *на почве* противоположного ей сокрытого (ложного). Это значит, что истинное располагается не по ту сторону ложного, озаряя мир из потусторонней сферы, а само «принадлежит той сфере, в которой совершается сокрытие и сокрытость»⁸. Причем слово «алетейя» указывает не просто на некое отношение к сфере сокрытого, а на *сущностную принадлежность* к этой сфере, в которой истина как таковая *укоренена*, и сокрытие поэтому необходимо понять как самое существенное в истине.

Для нас это является важным указанием на то, что опыт истины по необходимости включает в себя многосложный *опыт сокрытия* – опыт лжи, обмана, забвения, утаивания, затмения, уклонения, запутывания, блуждания и т. д. Более того, если *ἀλήθεια* фундирована в *λήθη*, если раскрытие осуществляется из сферы сокрытого, то это говорит об онтическом первенстве ложного по отношению к истинному. Сокрытие «царствует», и областью его владычества является не сознание субъекта, а само сущее.

Второй план значения связан с отрицанием. Грамматическая форма «не-сокрытости» отсылает к *опыту отрицания* – отрицания сокрытости. Сама отсылка, содержащаяся в приставке *не-*, указывает на то, что истина не наличествует, а отвоевывается в споре человека с сокрытостью. Для нас это значит, что истина существует не сама по себе, а лишь в актах сопротивления лжи и обману, забвению и утаиванию, заблуждению и промахам. **Истина сама по себе есть нечто негативное.** Причем она не просто *есть*, а *устанавливается*, то есть находится в состоянии действия, а не только выступает условием действия, например познания. Оба плана значения *алетейи* легко улавливаются, как пишет Хайдеггер, «благодаря различной акцентуации этого слова: не-сокрытость и не-сокрытость»⁹.

Третий смысловой аспект термина менее очевиден и предполагает более тонкую герменевтическую работу, направленную на выявление бытийно-исторической связи *ἀλήθεια* и *λήθη* – не-сокрытости и сокрытости (истины и забвения). Уникальная возможность термина «алетейя» заключается не только в том, что он содержит в себе отрицание противоположного – сокрыто-

сти, – но и в том, что он являет отрицание самой не-сокрытости. Осуществляемая в сфере сокрытого и из этой сферы, истина внутренне противоречива. Она есть борение *в себе* и пребывает в отношении противоположности *к себе самой*. В этом смысловом аспекте истина раскрывается как спор, борение, Гераклитова война, входящая в сущность вещей.

Фактически это означает отход от традиционного понимания истины, в котором «истинное» и «неистинное», «правда» и «кривда», мыслясь обособленно, противопоставляются друг другу. Этот «диалектический» момент в истине станет более наглядным, если мы русское слово «истина» назовем на греческий манер – «неложь» или «некривда». Эти слова, указывая на истину, «сами собой» направляют наш взор во *вселенную лжи* (обмана, заблуждения, хитрости, лукавства и т. п.) со всем многообразием представляющих ложь феноменов. Такой ход мыслей уводит нас далеко в сторону от традиционного дискурса, негласно отдающего пальму эпистемологического первенства истине, а не лжи. Для традиционного подхода характерно следующее: определение «ложного» с самого начала предполагает знание «истинного». Заявлять о ложности чего бы то ни было имеет смысл только после того, как истина установлена. Иными словами, здесь господствует логика движения от истины ко лжи, а не наоборот. Хайдеггер же, по сути дела, меняет вектор анализа, заявляя, что **для понимания сущности истины надо сначала понять сущность ложного.**

Наконец, четвертый смысловой аспект термина «алетейя» Хайдеггер связывает со значением свободного и беспрепятственного раскрытия. Слово «алетейя», помимо прочего, содержит указание на то, в свете чего обнаруживается его собственная недостаточность как термина, что выявляет ограниченность попыток чисто формального определения истины как не-сокрытости. В конечном счете, полагает Хайдеггер, не-сокрытое необходимо истолковать как *раскрытое* и *открытое*, отсылающее в бытийный *простор*, в котором не просто явлено сущее, а раскрыто его бытие.

Вместе с тем «раскрытое» не означает «достоверное» как нечто надежно приставленное к нашему представлению и гарантированное им. Раскрытие не означает разоблачения и уничтожения тайны в сущем, ибо раскрытая тайна перестает быть тайной. В этой связи высказывание «все тайное становится явным» имеет в виду только содержание тайны, но не ее бытие. Тайное как таковое не может быть явным. Таким образом, по-гречески понятое раскрытие сохраняет сущностную связь с таинственным. Последнее *обнаруживает* и *показывает* себя как сокрытое, т. е. в определенном смысле *открывается* нам, но именно как таинственное. В этом смысле (виде) нам открывается таинственная пещера,

озеро или лес. Тайна объявляет себя самим сокрытием. Слово «тайна» созвучно слову «тайга» и, возможно, этимологически с ним связано. Тайга же являет перед нами широту сокрытого мира. Обозревая его простор, мы воочию видим два аспекта таинственного – явленность сокрытого и непроявленность несокрытого.

Из сказанного видно, что Хайдеггер не довольствуется дословным переводом термина ἀλήθεια как «несокрытости», считая, что соответствующая языковая калька (как в немецком, так и в русском языке) сама по себе не раскрывает сути дела, поэтому проблему *пере-вода* он понимает не как проблему подбора соответствующих лексических единиц, а как необходимость *пере-вода* (пере-хода) в соразмерную греческому сознанию сферу опыта. Иными словами, лингвистическая очевидность того, что в слове ἀλήθεια даны одновременно 1) *сокрытость*, 2) *ее отрицание*, 3) *сущностная связь отрицания с отрицаемым*, 4) *возможность смыслового расширения* в открытость и простор, сама по себе еще не порождает смысловой определенности термина. Какой прок во всех этих референциях, если они не меняют нашей мыслительной привычки? Чтобы войти в новое и непривычное для нас определение истины, недостаточно просто назвать ее греческим словом, для этого необходимо ее по-гречески мыслить. А это, в свою очередь, зовет к более глубокому пониманию мира сокрытого и таинственного, нежели это предполагает европейская тяга к очевидности и достоверности.

Чем тайная гармония лучше явной? Сказанное выше позволяет нам раскрыть смысл 9-го фрагмента Гераклита (в собрании М. Марковича), который в русском переводе звучит как «тайная гармония лучше явной»¹⁰. В собрании Г. Дильса и В. Кранца это 54-й фрагмент, и на языке оригинала он звучит так: «... ἀμολή ἀφανής φαερής χρεῖτων»¹¹.

Это темное изречение вызывает два вопроса. Первый: чем тайная гармония лучше явной? Второй: почему никто до сих пор не осмелился опровергнуть этот тезис, выдвинув прямо противоположный – «явная гармония, лучше тайной»? И это при том, что философы Нового времени, ополчившиеся на туманность философских рассуждений, стремились дезавуировать все тайные гармонии. Сегодня же идея «поверить алгеброй гармонию» в связи с развитием информационных технологий переживает свое второе рождение. Ответ на оба вопроса содержится в самом понятии таинственной гармонии.

Итак, Гераклитом названы два рода гармонии: тайная (ἀφανής) и явная (φαερής). При этом они находятся не только в отношении противопоставления, но еще и в отношении иерархии, поскольку утверждается, что первая гармония лучше второй. Такое утверждение ставит перед нами два новых вопроса – во-первых, *в каком отношении* «лучшее» является лучшим, а во-вторых, *кому* или

для кого это «лучшее» раскрыто. Фрагменты из Гераклита не дают ясного ответа ни на первый, ни на второй вопрос, что предполагает риск произвольной интерпретации. И тем не менее попытаемся приоткрыть смысл изречения «ἀμολή ἀφανής φαερής χρεῖτων».

Слово ἄρμονια (гармония) в своем исходном значении означает *связь, скрепу, созвучие, соразмерность, стройный порядок*. Оно производно от слов ἄρμος (связь, сустав, место связи) и ἄρμα (колесница)¹², и это указывает на то, что слово «гармония» первоначально обозначало стяжку (упряжку) двух коней или волов. Гармония в этом смысле есть некое *ярмо*, связывающее разнонаправленные силы и таким образом согласующее и объединяющее их в направленном действии. В этом смысле гармония правит и управляет, т. е. это *властное* начало.

Прилагательное ἀφανής является антонимом φαερής (явному) и означает *неявный, невидимый, скрытый, темный, неясный, исчезнувший из виду*¹³. Таким образом, речь идет о противопоставлении в характере *вида*. Гармония показывается, открываясь в структуре вида двойным образом, как сокрытая и открытая, как явная и неявная. Вот и Хайдеггер в своем переводе данного изречения прибегает к отсутствующему у Гераклита слову «вид»: «Утаенная гармония выше и могущественнее открыто лежащей на виду»¹⁴. Поскольку же речь у Гераклита идет о сравнении, то это значит, что и невидимая гармония по-своему видна, а именно она *видна как скрытая*. Вид на эту последнюю и позволяет видящему, сравнивая, осуществлять выбор.

Но что означает для Гераклита этот выбор и что значит «лучшее»? В русском издании фрагментов Гераклита наречие χρεῖτων (атт.) переведено как «лучше». Между тем греческие словари содержат важное уточнение этого слова, указывающее на то, что «лучше» – значит сильнее, могущественнее, величественнее, и даже царственное. Так, например, в словаре Вейсмана представитель лучшего в указанных смыслах именуется χρεῖων (царь, повелитель, князь), а о лучшей жене говорится «царица между женами»¹⁵. По этой причине Хайдеггер переводит его как «выше» и «могущественнее». Такое значение лучшего может оказаться ключом ко всей фразе. Из него следует, что гармония имеет тем большую власть, чем она более скрыта. Таинство – в самой природе царственного и божественного. Тайный лидер всегда могущественнее явного именно потому, что источник и механизм его власти скрыты от других. Скрытая гармония действует как своего рода «мягкая сила», устанавливающая согласие и порядок в вещах. Гармония как таковая, скрытая или явная, есть ненасильственное соединение противоположного. Но эта связь тем более существенна, чем менее она опредмечена и выставлена на всеобщее обозрение.

«Мягкая власть» тайной гармонии свойственна самой природе вещей (фюзис). Тот же Гераклит говорит, что «природа любит прятаться», а комментирующий его Юлиан добавляет: «...природа любит прятаться и сокровенная сущность богов не терпит того, чтобы ее грубо открывали нечистому слуху в обнаженных выражениях»¹⁶. Поверка алгеброй гармонии, расставляя все «по своим местам», делает ее явной и от этого менее властной.

Сходный мотив могущества, присущего скрытому совершенству, содержится в даоском учении о Великом Пути (Дао). Максимой учения Лао-цзы является положение о том, что *явленный путь не является истинным*. Комментатор канонического трактата «Дао-Дэ цзин» Люй Хуэйцин говорит об этом так: «Нет большего воровства, чем когда совершенство становится предметом знания»¹⁷. Смысл изречения Гераклита, таким образом, можно понимать как предупреждение о том, что ясность инструментального знания заслоняет от человека то единственно важное, что есть в его жизни. Являя *сущее* в его предметности, оно заслоняет тем самым его *бытие*. Причиной такого сокрытия является сам человек, который, искусенный властью над сущим, вмешивается во владычество «фюзис», заслоняя его своей собственной тенью.

Таким образом, речь идет о двух образах сокрытия, различимых на почве «основного онтологического различия» как различия между *бытием* и *сущим*. Первое сокрытие несет в себе само бытие (природа), когда прячет свое владычество в сущем. «Бытие, раскрывая себя в сущем, уклоняется. Таким образом, просветляя его, бытие смущает сущее заблуждением»¹⁸. Второе сокрытие идет от человека, смущенного сущим как возможностью знания о нем как о наличном. Располагая достоверным знанием о вещах и выговаривая, как ему кажется, их суть, человек находится в отклонении от скрытой истины бытия. Явленное затмевает сокрытое. Самоуверенная речь заслоняет то, что «проговаривается» лишь молчанием. Как нам кажется, мысль об этих двух формах сокрытия присутствует в формуле Лао-цзы: «Знающий не говорит, говорящий не знает»¹⁹. Знающий не говорит потому, что то, о чем он умалчивает, само устанавливает меру раскрытости. Говорящий не знает потому, что устанавливает его по собственной и притом ограниченной мере.

Тайная гармония, согласно Гераклиту, лучше явной, так как в ней раскрывает себя владычество природы, которое «властвует само, без участия человека»²⁰. Когда Хайдеггер говорит о самовластии фюзис, он имеет в виду заблуждение европейского человека, возмнившего себя повелителем той силы, которая сама дарует ему бытие. Но человек обнаруживает и другой способ участия во владычестве природы, о котором М. Бахтин выразился в формате «участного

мышления». Такое мышление вовлекает человека в событие гармонии, делая его *со-участником* этого события, элементом созвучия, сосудом для «божественного наития».

Назвав истину Богиней, Парменид связал ее со способом раскрытия божества. Божество же показывает себя, оставаясь сокрытым. Оно уклоняется от прямого созерцания и определяющего раскрытия. Уклонение божественной истины само неуклонно. Созерцание этого уклонения есть способ пребывания *при* истине, а не *в* ней. Смотреть на мир так – значит быть в ладу с миром. «Смотри на мир исходя из мира», – учил Лао-цзы²¹.

Примечания

- ¹ В. В. Библихин в своих переводах Хайдеггера отдает предпочтение термину «непотаенность». Мы же следуем за А. А. Михайловым, Н. О. Гучинской, А. П. Шурбелевым и др., переводившими ἀλήθεια как «несокрытость».
- ² См.: Frisk H. Griechisches etymologisches wörterbuch. Band I: A–Ko. Heidelberg, 1960. P. 71.
- ³ Платон. Собр. соч. : в 4 т. / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.]. М., 1990. Т. 1. С. 658.
- ⁴ Комментарий А. Ф. Лосева к диалогу «Кратил» (см.: Платон. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. С. 826).
- ⁵ Там же. Т. 2. С. 290.
- ⁶ Слово λήθη (дор. λάθη) обычно переводят как «забвение», «забыть», Хайдеггер же с самого начала понимает забвение как феномен сокрытия.
- ⁷ Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб., 2009. С. 56.
- ⁸ Там же. С. 48.
- ⁹ Там же. С. 42.
- ¹⁰ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Рожанский. М., 1989. С. 192.
- ¹¹ Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch : in 3 bd. / von H. Diels; hrsg von W. Kranz. 9 Aufl. Berlin, 1960. Bd. I. S. 162.
- ¹² См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 195–198.
- ¹³ Там же. С. 227.
- ¹⁴ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопр. философии. 1989. № 9. С. 137.
- ¹⁵ Вейсман А. Д. Указ соч. С. 730.
- ¹⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 192.
- ¹⁷ Лао-цзы. Дао-Дэ цзин // Дао-Дэ цзин, Ле-цзы, Гуань-цзы : даосские каноны / пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М., 2002. С. 131.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : избранные статьи позднего периода творчества : пер. с нем. / под ред. А. Л. Доброхотова. М., 1991. С. 40.
- ¹⁹ Лао-цзы. Указ. соч. С. 281.
- ²⁰ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. С. 138.
- ²¹ Лао-цзы. Указ. соч. С. 273.